

Никто не любил тебя как мама,... только ты понимаешь это слишком поздно.

Многие рассказывают, что к ним иногда, во снах, приходят их ушедшие мамы и что-то говорят им. Мама приснилась мне один раз, еще при её жизни, и я жду, что увижу как она придет ко мне во сне, чтобы я мог попросить у нее прощения за все обиды, которые вольно или невольно нанес ей при жизни, и за то, что уехал на Север, хотя и с благими намерениями заработать на квартиру, но оставил ее одну, и за то, что не держал её за руку, когда она покидала этот мир, и за многие другие обиды, о которых я даже не подозреваю. Каждый раз, бывая на её могиле, я говорю с ней, прошу прощения и возможно поэтому она до сих пор не беспокоит меня во сне.

У меня была замечательная мама и благодаря ей у меня было замечательное детство.

Очень поздно, уже взрослым, я осознал, что мама никогда, ни разу в жизни, не повысила на меня голос, никогда, ни разу в жизни, не то, что не ударила, а даже не шлепнула меня по заднице. Самым страшным осуждением в мой адрес были её слова:

- Витька, ты сошел с ума!

Да и эти слова я слышал не часто – когда закурил в первом классе, а в восьмом пришел домой «под мухой», ну может еще три-четыре раза. Все остальные мои проделки, начиная от разбитых из рогатки или футбольным мячом окон, двойки в школе, разбитого носа соседского пацана Зиры (Вовки Зирченко) и заканчивая прогулами уроков или поздними приходами домой, обсуждались в спокойных беседах с выяснением причины поступка и определения путей его исправления. Это сейчас я понимаю, как ей было нелегко одной - сначала с малышом, за которым нужен уход и уход, затем с пацаном, за которым нужен глаз да глаз, а потом с подростком, за которым нужен и уход, и глаз, и понимание, и любовь, и строгость и еще много чего. Понимание того, что бить и орать на ребенка нельзя у нее было не от того, что она закончила пединститут и сама преподавала педагогику со всеми её методиками воспитания от Песталоццы и Ушинского до Макаренко и Сухомлинского, это понимание у неё шло от сердца, из её души.

Всякий раз, когда меня 3-5-и летнего не с кем было оставить дома, мама брала меня с собой и неважно был ли это экзамен, который ей нужно было принимать у студентов, или вечерняя лекция в Институте усовершенствования учителей, или выезды в сельские школы. Где я с ней только не побывал – и в Артеке на педагогической практике её студентов, и в многочисленных селениях Крыма на концертах агитбригады КПИ, активным участником которой она была, а позже приобщила меня к участию в ней. Побывал я и на выездных лекциях для учителей сельских школ, и на днях рождениях друзей и сослуживцев, и во всех аудиториях КПИ, где мама вела занятия со студентами. Благодаря такому частому общению со взрослыми к семи годам я стал практически самостоятельным человеком – сам оставался дома на хозяйстве, сам ходил в институтскую столовку, сам ходил в магазин со списком покупок, а летом мама отвозила меня к своим сестрам, то к тете Шуре в Суджу, где я сам с соседскими пацанами бегал на речку, то к тете Мане во Фрунзенское, ныне поселок

Партенит, где я вообще один с куском хлеба в кармане утром уходил на море и возвращался только к вечеру. В тех местах и в те времена самостоятельность детей с малого возраста была нормой. И мама, сама выросшая в подобной свободе, предоставляла мне ее полностью. Единственными ее требованиями ко мне были:

- а. сообщать куда я отправился и где я буду;
- б. возвращаться в оговоренное заранее время;
- в. перед тем как что-то сделать думать о последствиях головой, а не ....

Как же странно меняется жизнь. Цивилизация прогрессирует, материальное благосостояние людей выросло, в жизнь каждый день приходят новые технологии, и, казалось бы, моральное состояние общества должно было бы стать гораздо выше, но... В этих самых цивилизованных городах стало боязно хоть на секунду оставить детей без присмотра, и мы водим их за ручку чуть ли не до свадьбы. К сожалению технический прогресс намного опередил моральное и культурное развитие общества. Но сейчас не об этом.

На одном таком моем вынужденном выезде в свет, а точнее на экзамены по педагогике, которые мама принимала у студентов-заочников факультета физвоспитания, я сидел за последним столом в аудитории и рисовал в тетрадке кораблики - корабли были любимым предметом моих художеств. Когда я слюнявил карандаш для более ярких начертаний мачты, я увидел, как сидящий за соседним столом дядя Вася Котенко, которого я хорошо знал, его семейство дружило с мамой, манит меня указательным пальцем одной руки, а указательный палец другой прижимает к губам. Сообразив, что подойти надо тихо, я слез со стула и тихонько подошел к его столу. Дядя Вася тихо-тихо сказал мне:

- Спрячь в карман и отнеси это тете Вале.

Он указал мне на исписанный кусочек бумаги, лежащий на краю стола. Я взял листок, запихнул в карман брюк и пошел к выходу из аудитории. Я знал, что тетя Валя, жена дяди Васи, как и другие студенты, ждет в коридоре своей очереди сдавать экзамен. Мама привыкла, что я иногда ходил по аудитории, подходил к столам, за которыми готовились студенты, из любопытства рассматривая авторучки, которыми они писали, или рисунки, которые некоторые студенты нервно рисовали на листочках, если не знали, что на ней надо писать. Выйдя из аудитории, я передал бумажку тете Вале. Она прочитала, улыбнулась, попросила меня подождать, дала мне «барбариску» – это конфета такая, леденец, и куда-то отошла. Минут через десять она подошла опять ко мне, вручила два самолетика, сделанных из исписанных листов бумаги, и попросила отнести один дяде Васе, а второй с красными звездочками на крыльях, оставить себе, сказав, что после экзаменов

будем играть самолетиками в воздушный бой. Я вернулся в аудиторию. Мама что-то писала, сидя за преподавательским столом, подняла на меня глаза, улыбнулась и опять

заскрипела авторучкой, периодически потряхивая её, – я знал, что мамина авторучка плохо работает. Короче, к концу экзаменов у меня была пара десятков самолётиков, полученных в игре «обменяй бумажку на самолётик». Понятно, что самолётики без звездочек были шпаргалками с ответами на вопросы, написанными на бумажках, которые я выносил. Моя шпионская деятельность была разоблачена тем же вечером, когда у нас в квартире собрались мамины друзья и знакомые – преподаватели и студенты – заочники во главе с тем же дядей Васей Котенко – шутником и балагуром, добрейшей души человеком. Он в красках расписал как я партизанил с шпаргалками, а вся компания дружно «ржала» и хвалила меня за героическую деятельность по спасению «тонущих» студентов. И только на следующий день мама поговорила со мной на тему «что такое хорошо и что такое плохо» объяснив, что помощь, которую я оказал дядям и тетям, – это хорошо, но не всякая помощь идет на пользу. Помогая студентам, я обманывал маму и оказал студентам «медвежью услугу», поскольку они не выучили то, что поможет им лучше обучать учеников в школе.

- Вот и думай, - сказала она, - хорошо ты сделал или нет.

Так она учила меня думать о последствиях сделанного, сказанного, о хорошей и не очень хорошей сторонах любого вопроса.

Мамины студенты, уже взрослые, самостоятельные люди, уважали и, думаю, любили маму, и как могли помогали ей в обыденной нашей жизни. Дядя Вася Котенко, его жена Валентина, дядя Павлик Лукьяненко с женой Любой, а позже Тамара Миронова устраивали нам с мамой летний отдых. Котенки и Тамара жили и работали в Алуште, а Лукьянчики в санатории «Карасан». Мы с мамой часто летом отдыхали то у одних, то у других в гостях.

С мамой по дороге в сан.«Карасан». На автовокзале в г.Алушта, Фото 1958г.
На дороге от трассы Алушта-Ялта к пос.Карасан. Фото 1960г.

Во время одного из таких отдыхов, мама уехала в Симферополь, а дядя Вася и дядя Павлик взяли меня с собой на рыбалку. За день до этого дядя Вася, наблюдавший за моими потугами проплыть вдоль берега пляжа, сказал маме:

- Витьке, в его 6 лет, как крымскому жителю не гоже барахтаться возле берега.

На что мама, читая книгу, бросила:

- Ну так и научи, а не философствуй.

На следующий день на рыбалке, на которую в отсутствие мамы, она уехала по делам в Симферополь, дядя Вася взял меня, он и применил свою экстремально-молниеносную, как говорил он сам, методику обучения, выбросив меня из лодки в море в километре от берега. Скажу лишь, что сделал он это лишь после того как он с дядей Павликом, рыбачившим с нами, убедились, что я страстно желаю научиться плавать и получили от меня клятву ничего не бояться, что бы не происходило. На следующий день, на пляже, я продемонстрировал маме приобретенные навыки. Она поинтересовалась, когда это я успел так хорошо научиться плавать, ведь еще позавчера бултыхался как котёнок. Я осторожно, сглаживая некоторые детали, рассказал о вчерашнем уроке. Осторожно потому, что мама до того была не в восторге от моего желания поучаствовать в рыбалке, т.к. в море была волна, а меня на ней укачивало. Я ожидал, что получу втык заслушание, но мама попросила меня еще разок продемонстрировать мой брасс. Я старался как мог, вспоминая и выполняя все, что говорили мне дядя Павлик и дядя Вася, когда я бултыхался возле лодки – ногами как лягушка, руками как распахивать двухстворчатую дверь, голова вверх – вдох, голова вниз – выдох. и когда я, выбравшись из воды, подошел к маме, она улыбаясь сказала:

- Молодец, здорово,

и повернувшись к своей подруге Марии, для меня тете Маше, тихо, чтобы я не услышал, сказал, сказала.:

- Ну Васька, ну паразит,

И уже повернувшись ко мне с улыбкой на лице, спросила:

- А ты поблагодарил дядю Васю и дядю Павлика за то, что они тебя так быстро и хорошо научили плавать?

Не всегда, методы воспитания, используемые мамой, были педагогическим. Она была простым человеком с добрым сердцем, и её поступки чаще шли от сердца, чем от каких-то правил. Я хорошо помню, как в мои 2 или 3 года, когда я отказывался кушать, мама применяла далеко не педагогический метод. Нет, она не лупила меня, не ругала, а подметив, что у меня неописуемый восторг вызывает хлопок лопающейся шкурки сардельки, она специально покупала толстенькие сардельки, варила их для меня и при хлопке прокусываемой мной шкурки падала на кровать как от выстрела. Я хохотал и жевал сардельки. Так в игре она скармливала мне по 2-3 штуки.

А какие сногшибательно-веселые и радостные дни рождения устраивала мне мама. Это теперь я понимаю, что на эти праздники уходила вся её небольшая зарплата, но она об этом даже не думала. Главным для мамы было доставить мне радость и подарить немного детского счастья. На мой день рождения созывалась вся соседская детвора и дети близких маминых друзей, которых я хорошо знал, поскольку мы часто с мамой ходили к ним в гости, а они бывали в гостях у нас. Сначала все усаживались в комнате за большой стол, сооруженный из составленных вместе соседских столиков, на котором все пространство было заставлено дарами сентября - тарелками с белым и черным виноградом, огромными пахучими персиками, яблоками разных сортов, инжиром, грушами, нарезанными дольками арбузов и дынь. Никаких этажерок для пирожных и ваз у нас не было, а разнообразные шоколадные конфеты и пирожные прекрасно смотрелись на простых тарелках, на фоне бутылок с лимонадом и ситро. В комнате стоял божественный персиково-лимонадный

аромат от которого кружилась голова, а в душе наступало вселенское умиротворение. Взрослые за стол не допускались и мы, ребятня, чувствовали себя королями на вселенском пиру. Наевшись и напившись «от пуза», мы выползали во двор, где мама уже успевала организовать кучу аттракционов с разнообразными подарками.

С той далекой поры у меня никогда больше не было таких счастливых и искренних дней рождений.

Мой день рождения 05.09.1962г. во дворе на ул.Ленина 17 в г.Симферополь.

На всю жизнь я запомнил другой мамин урок. Мне было лет 15, т.е. я уже вполне теоретически понимал разницу между подарком и взяткой, но только теоретически. А в реальной жизни отличить одно от другого не приходилось. В нашем окружении этого просто никогда не было. По нынешним понятиям приглашение студентом в гости своего преподавателя назвали бы взяткой, но тогда это было нечто другое, тогда гость и хозяин скидывались и угощались на общие ресурсы. А уж из подарка студентов преподавателю сейчас раздули бы чуть ли не уголовное дело, и возможно справедливо. Но в те времена корысти ни у тех, ни у других не было – подарок дарился от души, в знак благодарности, да и подарки были не такие как сегодня. Хотя бывали и неоднозначные ситуации, в которых я совершенно не разбирался. Это сейчас с малолетства все знают, что такое взятка.

Ну так вот, в тот день я сидел дома и делал уроки, мама была на работе. Раздался звонок. Открыв дверь, я увидел на пороге слащавого парня с зализанной прической, который противно-мягким голосом осведомился:

- А Лидия Ивановна дома?

Есть такая порода мужиков, которые при всей их красоте и обходительности вызывают чувство тошноты и неприятия. Тогда я не знал названия этой породы – ее представителей не было в моем окружении.

Сообщив этому прилизанному, что мама на занятиях, я попытался закрыть дверь, но не тут-то было. Этот «прыщ» вставил ботинок в дверь и отодвинув меня этой дверью вошел в прихожую. Я переместился и перегородил собой проход в комнату. Тут я увидел в руках у парня немаленький сверток. Он протянул его мне:

- Передай это Лидии Ивановне и скажи, что это в знак благодарности от студента третьего курса геофака Петра Сёмкина (имя и фамилия вымышленные, а геофак – это географический факультет).

- Ладно, передам, спасибо, до свидания, - мне хотелось как можно быстрее избавиться от этого хлыща и я, взяв сверток, пошел грудью на парня. Тот попытался и оказался за порогом. Я захлопнул дверь и сунул тяжелый сверток во встроенный в стену прихожей шкаф с инструментами.

Вспомнил я про этот сверток дня через два, когда полез в шкаф за понадобившейся мне зачем-то отверткой. Я рассказал маме о посещении «прыща» и протянул ей сверток.

- Разверни, - сказала она.

Я положил сверток на стоящий рядом со мной диван и развернул его. В свете падающего из окна солнечного луча засверкала огромная хрустальная ваза. По тем временам подарок был весьма ценным. Мама смотрела на вазу, я на маму. Шестым чувством я понял, что сейчас мне будет плохо. Я видел, что мама, хотя она молчала, сердится все больше и больше:

- Завтра с утра, вместо школы, поедешь в институт, найдешь того, кто принес эту вазу и отдашь ему лично в руки. Ищи его как хочешь, но отдай именно ему. Вернешь вазу и только тогда езжай в школу, Александру Антонову (А.А. - это моя классная руководительница) я предупрежу. Это раз. И два. Никогда, слышишь никогда, ничего не принимай от незнакомых тебе людей, – мама резко повернулась и ушла в кухню.

Набегался я с этой вазой по полной программе. Этого хлыща на занятиях не было. Пришлось узнавать у ребят где он может обитать. Нашел я его в общежитии на другом конце города. Когда я вошел в комнату, этот гад лежал на койке и слушал музыку. Я готов был треснуть его по башке той самой вазой, с которой я протаскался пол дня по всему городу, но увидев, как его самодовольная рожа вытянулась от удивления, а затем скуксилась от досады, когда я молча впихнул ему вазу, я успокоился и вышел из его комнаты с чувством исполненного долга. С тех пор я очень аккуратно относился к различным предложениям подарков. Этот урок оградил меня от многих неприятностей, особенно когда я стал руководителем.

Мама была очень жизнерадостным, оптимистичным и веселым, но главное добрым человеком. Пока она была рядом, я не задумывался о том какая у меня мама, все пришло потом, когда ее не стало, когда уже ничего нельзя было исправить, - ни свою невнимательность к ней, ни свою редкую, но имевшую место грубость, ни свою тупую скрытность, непонимание того, как ей важны мои рассказы о моих делах и слова о моем добром отношении и любви к ней.

Маму очень любили и уважали мои друзья. Пока я учился в школе нам позволялось собираться на нашей махонькой кухне, кормиться тем, что было на плите или в холодильнике и заниматься своими делами. После поступления в институт дозволялся уже

не только чай, но и по «чуть-чуть» в выходные дни. До сих пор подозреваю, что мои друзья в некоторых вопросах были более откровенны с моей мамой, чем со мной. Иногда, когда мы, как обычно, сидели с одним из моих друзей на кухне за рюмочкой чая или чашечкой кофе, мой товарищ неожиданно прерывал нашу беседу сообщением типа:

- Мне надо поговорить с Лидией Ивановной,

после чего вставал, выходил из кухни, плотно закрыв за собой дверь в нашу единственную комнату, где мама занималась своими делами, и о чем-то, иногда недолго, иногда и с час, беседовал с мамой. Я, конечно же, знал кого и что волновало – кого безответная любовь девушки, кого взаимоотношения с родителями или преподавателем в институте, но самое сокровенное обсуждалось с моей мамой. Я не обижался, понимая, что есть вещи, которые по нашим тогдашним понятиям неудобно обсуждать с другом, и о которых мы потом, став постарше и прочувствовав кто есть друг, говорили уже без стеснения. Но в те года институтской молодости было так как было. Так что мама была в курсе дел моих друзей и никогда не задавала вопросов, к которым молодежь относится достаточно болезненно и не любит на них отвечать, особенно, если они касаются не лично тебя, а твоих друзей. Что касается меня, то благодаря тактичности и доброте мамы между нами сложились такие отношения, при которых я не боялся рассказать о своих проступках или проблемах. Иногда заметив что-то в моем поведении, мама могла спросить:

- Ты там что натворил, не влюбился часом? Лица на тебе нет.

Или просто подсаживалась ко мне и просто говорила:

- Рассказывай.

Когда в 9-м классе я начал покуривать, мама подошла ко мне с пачкой сигарет «Опал», по тем временам очень приличное курево, и протянула мне сигарету со словами:

- Ну ка, продемонстрируй мне как ты куришь.

Пришлось взять сигарету, прикурить и, затянувшись, выпустить дым в потолок.

- Все ясно, не новичок. Дело, конечно твое – курить или не курить, но я бы очень не советовала. Подумай.

После этого разговора я решил не курить и держался до института, но там «бла-бла» на перерывах под дым сигарет и я втянулся. Больше на эту тему мама со мной не говорила – сам выбрал, не маленький. Думаю, это было лучше, чем если бы она, в мои 17, меня ругала, а я прятался по углам.

Многое я узнавал о маме со слов ее подруг и друзей еще при её жизни. И судя по этим рассказам, мама в молодости была «оторва», но «оторва» озорная, добрая и веселая. Вот, например, выходка, которая кому-то покажется идиотской, но я, представляя все произошедшее, понимаю, что это было доброе намерение помочь человеку выйти из жизненного ступора. После окончания Ленинградского пединститута и аспирантуры мама получила направление на работу в Крымпединститут. Как молодому специалисту ей предоставили жилье – комнату в коммунальной квартире. Правда комната не полностью была в её распоряжении, а на пару с такой же молодой преподавательницей. Молодые женщины быстро сдружились и их житье-бытьё по тем временам было вполне нормальным. Вскоре в соседнюю с ними комнату поселился новый преподаватель – мужчина средник лет серьезного вида с несколько печальным выражением лица. Попытки девчат по-соседски

познакомится с незнакомцем ничем не увенчались – кроме «Здравствуйте» и «До свидания» от него невозможно было ничего услышать. По слухам, которые, как водится, бегут впереди

Мама (слева) с подругой Антониной Александровой . г.Симферополь. Фото 1949г.

человека, стало известно, что этот преподаватель из-за каких-то проблем с женой уволился из пединститута в другом городе и переехал в Симферополь. Чувствуя, что в силу каких-то обстоятельств, то ли от обиды, то ли от горечи предательства, человек просто опасается общаться с женщинами мама в один прекрасный день, вернее ночь, отчебучила следующее. Как я понимаю эта идея к ней пришла спонтанно, на уровне инстинктов, в силу ее неугомонного характера, который не мог смириться с тем, что рядом кто-то не в своей тарелке.

Коммуналка, в которой он жили, располагалась во дворе географического факультета Крымпединститута на ул.Ленина 15. Махоньякая прихожая с дровяной печью на две комнатки и выходом в общий коридор и те самые комнатки, метров по 10, вот и вся квартира

Удобств никаких – вода и туалет во дворе. В одну из летних ночей девчата, как обычно, улеглись в своей комнате спать и, как обычно, выключив свет, устроили «поболтушки» о том о сем - о своем, о девичьем. Через тонкую стенку и открытое от жары окно было слышно, как вздыхает и ворочается в койке сосед, как он периодически встает и вздыхая ходит по комнате. Девчонки, прислушиваясь к телодвижениям соседа, шёпотом обсуждали его возможные переживания. Тут они услышали, как сосед, хлопнув дверью и скрепя половицами в коридоре, направился на улицу в туалет. В окне, в лунном свете, промелькнула его ссутулившаяся фигура в спортивных штанах и майке. Что стало толчком для дальнейших действий мама объяснить не смогла, но она вдруг предложила подруге растормошить соседа. Они вылезли из постелей и в ночных рубашках, чтобы не терять время на одевание, направились в комнату соседа. Проходя через прихожку, мама облила себя холодной водой из ведра, стоявшего там на табуретке. В комнате соседа было темно, лишь слабый свет из окна - отражение лунного света от стены дома напротив, позволял различать силуэты предметов. Подружка мамы залезла под стол, а мама забралась на кровать соседа и, прижавшись к стене, с головой накрылась одеялом. Через пару минут послышались шаги возвращавшегося соседа. Скрипнула закрывшаяся дверь и мужчина спиной к стене молча влез под одеяло. Подруга мамы, рассказывая это, не просто смеялась, а каталась от смеха по дивану и, хватаясь за сердце, говорила, что в тот момент сердце у нее колотилось как затвор пулемета и секунда, пролетевшая от момента, когда сосед лег в постель и до момента осознания того, что в постели лежит холодное мокрое тело, показалось ей вечностью. Первым завопил сосед и тут же раздался веселый хохот мамы, к которому подключились и подруга. Что происходило потом я не знаю, вернее на помню из

рассказа тети Тони - подруги мамы, знаю лишь, что тот преподаватель, тетя Тоня и мама стали друзьями и в последствии дружили семьями.

А вот другой случай, характеризующий озорной характер мамы. Она, как теперь я понимаю, не очень хорошо играла на гитаре. Мама выучила несколько аккордов на семиструнке и при их помощи подыгрывала себе, когда пела. А петь она любила и уж это у неё получалось очень хорошо, нежно и душевно, не просто же так режиссер театра оперетты, услышав её пение на каком-то праздничном вечере в КПИ, пригласил её петь в оперетте, где мама успешно выступала около года. А пела она на том концерте не патриотическую песню, как сейчас некоторые рассказывают о песнях тех времен, а шуточную песню про кузнечика, у которого все было коленками назад и часто по просьбе друзей и знакомых исполняла её в компаниях, на дружеских посиделках и просто вечерами под настроение. Так вот, однажды на юбилее одного из деканов КПИ, не помню уж какого именно, сослуживцы с разных факультетов и кафедр поздравляли юбиляра, кто просто приветственными словами, как теперь принято говорить, коротким спичем, кто стихами, кто песней. Вот и мама с гитарой вышла на сцену актового зала, где проходило это мероприятие, и спела один из любимых в те года романсов. Не скажу слышал этот романс юбиляр от мамы раньше – они были дружны с мамой, но на самом интересном куплете романа мама на виду всего зала повернулась к юбиляру, по своему характеру скромняге и тихоне, сидевшему на сцене в кресле и пропела:

- Ну что ж прощай, грустить не стану я,
Теперь пойду по новому пути.
Таких как ты, подлец, найду я много,
Таких как я тебе уж не найти.

По залу прошёл гул – те, кто близко не знал маму перешёптывались, обсуждая услышанное, друзья и знакомые, включая юбиляра, весело смеялись.

Как я теперь понимаю, в жизни мамы, благодаря её оптимистичному, жизнерадостному и веселому характеру, было не мало неординарных жизненных ситуаций. Все друзья, знакомые и сослуживцы знали маму как Пищикову Лидию Ивановну и называли её кто-как, в зависимости от взаимоотношений: Лида, Лидок, Лидия Ивановна, Пищикова, Лидка (это её сестра Мария), но мало кто знал, только самые близкие или официальные лица на работе, что по паспорту у мамы фамилия Борикова. На это несоответствие я обратил внимание, когда пошел в школу и столкнулся с обязательным наличием у каждого человека документа, подтверждающего что он именно тот, кем называется. И-за моих вопросов по поводу фамилии в паспорте маме пришлось объяснять мне, семилетнему хочувсёзнайке проблемы семейных отношений. Из этих объяснений я запомнил следующее: в 1947 году, под конец учебы в аспирантуре мама дала согласие на брак с выпускником одного из военно-морских училищ Ленинграда Бориковым, по-моему, Владимиром. Какие были причины этого бракосочетания я так и не уяснил, вернее не запомнил о чём говорила мама, то ли порыв души, то ли помощь в оформлении фиктивного брака перед выпуском из училища, но больше к этому вопросу мы никогда не возвращались, и я не могу сказать ничего определенного. Со слов мамы, она после росписи, прямо из загса, сбежала и больше жениха не видела. Как у нее появился паспорт с новой фамилией не знаю. Но факт остается фактом с 1947 по 1972 год у мамы была официально фамилия Борикова. В 76-м году, перед оформлением пенсии, мама поехала в Ленинград, нашла этого мужчину и оформила с ним

развод. Много она не рассказывала, сказала лишь, что встретил он её очень хорошо, подобному, всячески помогал ей в оформлении документов, был приветлив и внимателен. У Владимира другая семья, дети, сам он офицер флота, то ли капитан первого ранга, то ли контр-адмирал, я так и не понял – мама не сильно разбиралась в воинских регалиях, да и мне тогда это было не интересно. У меня была мама, которая меня любила, и ни оставивший нас отец, ни мамин бывший муж, ни её разводы с ними меня абсолютно не интересовали, но став взрослым я понял, что одними из причин расставания мамы с отцом были его ревность к многочисленным друзьям мамы и его непонимание доброго и общительного характера мамы, которая интересы других ставила выше своих личных.

Но зато я точно знаю, что у меня была и есть лучшая в мире мама.

Недавно в старых бумагах я нашел дневник мамы. 1954г. Запись в дневнике:

"Ты у меня добрый мальчик. Когда тебя угощают, то ты берешь, кланяешься и протягиваешь ко рту того, кто дал. Таким будь всегда. Доброта украшает человека. Если ты знаешь, что другим трудно, всегда помоги им, поделись всем, чем богат ты. Настоящие люди тебя всегда оценят. Будь добрым, уважай других, проявляй заботу о любом человеке. Это просьба и завет твоей мамы."

Не в праве судить, но все же, оглядываясь назад, я надеюсь, что благодаря всему тому, что передала мне мама, я выполнил её завет, даже не предполагая о его существовании.

Мама и я. г.Симферополь. Фото 1983г.